

Непризнанные государства: от «яблока раздора» к «площадке диалога»

(тезисы к разработке нового проекта)

1. Распад Советского Союза, по словам Президента Российской Федерации В.В. Путина, явился крупнейшей геополитической катастрофой 20го века. С конца 1980х - начала 1990х годов этот процесс сопровождается конфликтами по поводу спорных территориальных образований, вылившихся в кровопролитные столкновения и войны (как гражданские, так и межгосударственные), а также в появлении ряда так называемых непризнанных (или частично признанных) государств.

Важным следствием распада СССР («развода» бывшей семьи народов) явилась во многом естественная и ожидаемая активизация сепаратистских и ирредентистских движений, основные акторы которых не удовлетворены результатами советского/постсоветского территориального разделения и стремятся либо к воссоединению с «материнской» страной (в том числе посредством транзита через стадию «непризнанного государства»), либо к выходу из состава тех или иных государств СНГ и обретению суверенитета в рамках собственных независимых государств.

В любом случае новые непризнанные государства на много лет становятся «яблоком раздора» между государством, от которого уходит новое территориальное образование, и государством, к которому оно потенциально тяготеет. К конфликтной тройке стран (включая само непризнанное государство) зачастую присоединяются другие «заинтересованные» лица, в следствие чего конфликт становится фактором ухудшения отношений между многими странами, порой находящимися далеко от непосредственной «территории изменяющихся границ». При этом, как правило, интересы и настроения населения самой «уходящей» территории уже теряют свое значение и не признаются существенными, а субъектность нового государства отрицается. Конфликт между «уходящей» Абхазией и Грузией становится конфликтом между Россией и Грузией, конфликт вокруг уходящего Карабаха становится конфликтом между Арменией и Азербайджаном и т.п. Аналогичная история развивается вокруг непризнанных республик «Новороссии».

Метафора из обыденного мира. Когда разводятся двое супругов, их дети зачастую становятся предметом жаркого и острого спора. Последующие отношения разведенных существенно отягощаются «несправедливым» (с точки зрения хотя бы одного из бывших супругов) разделением прав на детей. Права самих детей в этом случае, как правило, вообще не учитываются, вследствие отсутствия у них статуса дееспособных и правомочных субъектов. Борьба за общих (нажитых в период совместной семейной жизни) детей порой принимает формы откровенной войны,

в которую втягиваются многочисленные родственники. Вместе с тем в сфере семейных отношений уже возникли, освоены и стали распространенными практики, в которых воспитание и социализация детей даже после развода родителей является их совместным делом, права и интересы обоих бывших супругов согласовываются мирным путем, а самое главное, что при этом учитываются и права и интересы ребенка. Такой развод называется действительно «цивилизованным», а практики совместного обеспечения и развития подрастающего поколения «ответственными» и конструктивными.

Почему же в практике межгосударственных отношений так мало примеров цивилизованного и ответственного отношения к непризнанным государствам? Почему в качестве возможных решений конфликта рассматриваются только победа (как правило, военно-политическая) одного из стейкхолдеров этого конфликта, а не взаимовыгодный мир всех трех и более сторон. Почему до сих пор не разработаны и не внедрены решения, основанные на диалоге, сотрудничестве и совместной ответственности за новое государство? Следует признать, что западная политическая культура еще слишком укоренена в **культуре конфликта**, культуре (а лучше сказать – культе) соперничества и культе одного победителя (в соревновании может быть только один «Number One»). Еще очень редки истории, когда в межгосударственных отношениях превалировали концепции Win-Win, концепции компромисса, множественной «общей» победы и совместной ответственности. И это, конечно, вызов для интеллектуалов в области внешней политики.

Очевидно, что разработка норм, механизмов и технологий разрешения конфликтов вокруг непризнанных государств на основе культуры диалога (даже полилога), сотрудничества и со-ответственности должна стать важным направлением работы различных заинтересованных сторон. А непризнанные государства в этом контексте могли бы стать «площадками диалога», на которых бы отработывались различные способы и нормы согласования интересов, совместного управления, формирования объединяющей мета-идентичности.

2. Важнейшим вопросом при реализации подхода, основанном на диалоге и согласовании интересов, является вопрос о **субъектности и гражданской идентичности** населения новых (еще непризнанных) государств.

Дело в том, что конфликт между двумя Большими («родительскими») сторонами за новое прото-государство, как правило, основан на противоположных (антагонистических) представлениях о **самоидентификации** населения этого протогосударства («кто мы, чьи мы, с кем мы?»), единстве-множественности этой самоидентификации, а также о его **субъектности** (включая наличия устойчивой, легитимной и дееспособной власти, понимающей цели и ответственности нового государства, и наличия ресурсов для самостоятельного развития).

Противоборствующие стороны апеллируют каждая к своим представлениям о реальной гражданской самоидентификации населения непризнанного государства (пример для ДНР: *«большинство их них считают себя русскими и хотят присоединиться к России» VS «они все считают себя гражданами Украины, и не хотят никакого раскола с Украиной, но их удерживают бандиты-сепаратисты»*). Если факты все-таки явно свидетельствуют о доминировании какой-либо одной из идентичностей, или налицо формирование новой – идентичности нового независимого государства, то конфликтующие стейкхолдеры объявляют население и власть НГ не суверенными (*«это они поют под дудку России»*) или отказывают им в субъектности (*«там не с кем разговаривать»*). В этом смысле дискурсы конфликта вокруг новых государств на постсоветском пространстве (взять хоть Приднестровье, хоть Новороссию, хоть Карабах), очень схожи.

В этой связи представляется крайне важным провести в ближайшее время независимое социологическое исследование с международным участием под условным названием **«Политическая культура непризнанности»**, в рамках которого подвергнуть детальному изучению **гражданскую идентичность** (восприятие себя как гражданина какого-либо государства, представителя страны) населения Нагорного Карабаха, Приднестровья, Южной Осетии, Абхазии и территории ДНР-ЛНР.

Следует признать, что особый статус непризнанного государства формирует особый тип массового сознания, который еще очень плохо изучен и понят специалистами. Что означает годами жить и работать на территории, которая имеет очень ограниченные возможности коммуникации с внешним миром? Что означает долгие годы не иметь возможности четко ответить *«в какой стране я живу, и гражданином какой страны я являюсь»*? Что такое жить в осажденной крепости долгие годы? Исследование, проведенное в нескольких разных непризнанных территориях-государствах с разной историей самостоятельности, возможно, позволит изучить онтогенез гражданской идентичности «непризнанных». Карабах, Приднестровье, Южная Осетия, ДНР-ЛНР имеют существенно различающийся срок существования в статусе непризнанного государства, и соответственно разный социальный опыт населения в плане самоидентификации (где-то это первое поколение, а где-то уже третье). Сравнительный анализ самоидентификации стран, находящихся на разных этапах формирования идентичности непризнанности (можно также добавить опыт Палестины, Тайваня), поможет понять факторы устойчивости соответствующей квази-гражданской идентичности.

В настоящее время мы очень плохо представляем собой социальное и психологическое самочувствие человека, живущего в таких условиях. К каким действиям он становится более склонным – к войне или миру, к конфликту или диалогу? В этой связи несомненно, одним из основных предметов исследования в таком социологическом аудите должно стать изучение **«диалогичности»**

населения непризнанных государств – то есть способности их к неконфликтной коммуникации с внешним миром, способности воспринимать интересы и ценности других сторон, способности согласовывать интересы и способности к сотрудничеству.

3. Ясно, что перевод непризнанных государств из состояния «зоны отчужденности» и «яблока раздора» в состояние территории («площадки») диалога не может состояться только на основе исследования, сколь бы глубоким и обоснованным оно не было. Необходима работа по имплементации полученного знания, переводу его в социально-политические технологии, позволяющие достигнуть мирного и взаимоприемлемого разрешения конфликтов вокруг непризнанных государств. Скорее всего одной официальной дипломатии здесь будет мало. Вполне возможно и даже желательно привлечение к процессу субъектов общественной дипломатии, межнациональной кооперации и т.п. Фонд «Диалог цивилизаций» и МИА «Евразийский монитор» намерены в ближайшее время развернуть специальную работу в этом направлении. Будем рады взаимодействию в такой работе со всеми заинтересованными и конструктивно настроенными сторонами.

Решение проблемы непризнанных государств и спорных территорий – ключ к существенному уменьшению геополитического противостояния и конфликтности. Давайте сделаем их площадками диалога и сотрудничества.